

Надежда Соколова

16+

НАСЛЕДСТВО
ЧЕРНОЙ ВДОВЫ

Надежда Соколова
Наследство черной вдовы

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Соколова Н. И.

Наследство черной вдовы / Н. И. Соколова — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Меня вытянули из привычной жизни и родного мира. Я стала той, о ком
лишний раз стараются не упоминать в приличном обществе. Браком со мной
матери пугают своих сыновей. Я - черная вдова, герцогиня Ломарская. Вот
только я не желаю мириться с не мною заслуженной репутацией.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	27
Глава 10	29
Глава 11	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Надежда Соколова

Наследство черной вдовы

Глава 1

Имя твое – птица в руке,

Имя твое – льдинка на языке.

Одно-единственное движенье губ.

Имя твое – пять букв.

Мячик, пойманный на лету,

Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,

Всхлипнет так, как тебя зовут.

В легком щелканье ночных копыт

Громкое имя твое гремит.

Марина Цветаева. «Имя твое, птица в руке»

Я спала, и мне снился волшебный сон. Высокая стройная женщина невероятной красоты сидела у гладкого, как зеркало, пруда, неподалеку от густой рощи, и что-то неспешно шептала, словно молилась. Её полные алые губы двигались беззвучно, понять слова я не могла, но и без слов хотелось наблюдать за женщиной вечно. Она обладала завораживающей красотой: миндалевидные глаза зеленого цвета, прямой нос, высокий лоб, длинные волосы каштанового цвета, небольшой аккуратный подбородок с ямочкой. Все вместе эти черты ее облика, может, и не вызывали восхищения, но, соединившись воедино, дали потрясающий эффект.

Женщина вдруг прекратила шептать, посмотрела на гладкую поверхность пруда, и мне показалось, что ее взгляд проник в мою душу, вывернув ее наизнанку. Незнакомка нехорошо улыбнулась, что-то уверенно произнесла, и я резко проснулась.

Несколько секунд я лежала пластом, пытаясь понять, что за странный сон видела, затем поднялась. Обычно днем я не сплю, а тут что-то задремала. И напрасно: сон перед заходом солнца грозил, по поверью, лишь крупными неприятностями.

Выйдя в прихожую, я окинула себя критическим взглядом в зеркале и не сдержала кривой усмешки: колобок на ножках. Сто двадцать-сто двадцать-сто двадцать. Как говорится, где талию делать будем? Гормоны, будь они неладны. Хоть разорвись, а с моей копеечной зарплатой так и помрешь одинокой толстухой. «Любимые» коллеги то и дело с фальшивым сочувствием качали головой: «Нельзя так запускать себя, Света. Ты же такая молодая. Сядь на диету, сходи в спортзал». Объяснять и доказывать, что все бесполезно, я не видела смысла. На учительскую зарплату в регионе особо не зашикуешь. А уж когда на руках больная мать – тем более.

Я посмотрела на висевший на стене календарь: пятнадцатое июня. Мой день рождения. Тридцать три года. Возраст Христа. Ни мужа, ни детей... Не было и не ожидается... Матери не стало месяц назад. Спасибо тем же коллегам: помогли организовать похороны. И что теперь? Правильно, ничего. Пустота в душе. Хоть кошек заводи. Сразу сорок штук, как любят издеваться над такими старыми девами, как я, в Интернете.

В кухне, на древнем обшарпанном столе, накрытом выцветшей клеенкой, стоял в старой фаянсовой чашке чай. В блюде – фигурное печенье. Отличное праздничное угощение. Увы, после выплаты всех долгов у меня оставалось не так уж много свободных средств, а потому шампанское с мандаринами я позволить себе не могла. Вспомнив последний прочитанный любовный роман, я грустно хмыкнула: ресторан на двадцатипятилетие. Постаралась автор, организовала своей главной героине чудесный день рождения. О ресторанах мне даже не мечталось. Тут раз в год перед Новым Годом в кафе выберешься – уже праздник.

Возвращаться к столу не хотелось. Да вообще ничего не хотелось. Религиозная мать вбила в меня определенные правила, и если бы не ее воспитание, я уже подыскивала бы себе веревку. Хотя какая веревка выдержит мой вес...

За окном между тем загорелись фонари. Пойти, что ли, развеяться? Как раз на улице не особо много народа, внимание на меня обращать некому будет. Я на секунду задумалась, потом пожала плечами: почему нет? В нашем спальном районе жизнь по вечерам практически замирала, народ стремился в центр, туда, где сверкали неоновыми вывесками магазины и торгово-развлекательные центры. А тут все было тихо и мирно.

Я отхлебнула остывшего зеленого чая, переделась в длинное и широкое, полностью закрытое шифоновое платье темно-зеленого цвета, сверху накинула легкую черную кофту и вышла за дверь. Лифт не работал, снова, в третий или четвертый раз за месяц. Квартира на пятом этаже – это дополнительные физические упражнения, но не когда у тебя никуда не исчезающий лишний вес.

Улица встретила тишиной и поистине летними запахами. Цвел жасмин, наполняя воздух нежным ароматом. Я вдохнула полной грудью и на миг задумалась. Выбор был небольшой: или погулять по аллеям в парке в квартале от дома, или без цели ходить по ночным улицам.

Ноги сами повернули в сторону парка. Освещался он ярко, укромных уголков там не существовало, а потому и поздно вечером можно было гулять по аллеям без страха. Любимое место мамочек с детьми и пенсионеров днем, вечером парк мог бы превратиться в Мекку для влюбленной молодежи, но все совершеннолетние предпочитали проводить свободное время в центре – там больше выбор, одних игровых залов несколько штук. Именно поэтому ночью в парке можно было встретить лишь редких бомжей. Впрочем, их я не боялась.

Широкие аллеи с высаженными по краям липами просматривались с любой стороны парка. Я неспешно прогуливалась уже минут десять, когда почувствовала на себе чей-то взгляд. Остановилась, оглянулась, повертела головой – никого. Снова начала движение – снова взгляд, внимательный, цепкий, злобный. Что за чушь? Кому и что от меня может быть нужно? А самое главное – где он, этот некто? Парк пуст, между липами везде просветы – никого и ничего. И тем не менее чужие глаза прожигали во мне дыру между лопатками.

Наверное, из-за этого взгляда я и споткнулась. На короткий миг показалось, что под ногой, на ярко освещенном асфальте, что-то сверкнуло, как блески на вечернем платье. А затем меня оглушили голоса.

– Оживает!

– Ронара!

– Селенира!

– Ронара, как вы себя чувствуете?!

Вроде бы произносились фразы негромко, но дружно, разом, и поэтому создавалось впечатление, что люди вокруг кричат.

Глаза не слушались, как, впрочем, и остальное тело: нельзя было пошевелить ни рукой, ни ногой. Да что там пошевелить. Даже веки разомкнуть было практически невозможно.

Почувствовав под носом резкий химический запах, напоминавший нашатырь, я рефлекторно вздрогнула. Веки все же поднялись, хоть и с огромным трудом. Широкая светлая комната, залитая ярким солнечным светом и буквально заставленная мебелью. На переднем фоне,

неподалеку от меня, пятеро мужчин и три женщины. Трое мужчин среднего возраста – в армейской форме, двое, постарше, в белых халатах. Женщины – в коричневых платьях и передниках. Все восемь человек смотрели на меня с надеждой и облегчением. Слабо понимая, что происходит, я открыла было рот, и тут же в губы мне уткнулась ярко-красная чашка с непонятным напитком.

– Выпейте, ронара.

– Селенира, пей, прошу.

«Тихо шифером шурша, крыша едет не спеша», – как любил говорить мой дед. Еще несколько минут назад меня звали Светлана, и рядом не существовало никого, кто готов был бы обо мне позаботиться. Какая «ронара», какая «селенира»? Где я? И что вообще происходит?

Глава 2

Я помню, с каким вошли Вы

Лицом – без малейшей краски,

Как встали, кусая пальчик,

Чуть голову наклоня.

И лоб Ваш властолюбивый,

Под тяжестью рыжей каски,

Не женщина и не мальчик, -

Но что-то сильнее меня!

Марина Цветаева. «Могу ли не вспомнить я»

Кружка все так же находилась у моих губ, и я все же сделала два глотка.

– Остальное, ронара, прошу вас.

Ладно, сделала еще три глотка, выпивая горьковатую, немного мутную жидкость. Буквально сразу же появилась чувствительность в руках и ногах: покалывание тысяч «иголок» – ощущение не из приятных. Но я хотя бы начала ощущать свое тело. Впрочем, свое ли? Я с трудом приподняла руку и уставилась на нее в немом удивлении: тонкая изящная кисть, длинные пальцы «пианистки», ухоженные ногти ярко-алого цвета. «Крыша», похоже, все же поехала куда-то, причем без остального «строения», а я, наверное, сейчас лежала без сознания в одной из больниц.

– Вон, – последовал приказ. Отдавший его мужчина, тот самый, что звал меня Селенирой, дождался, пока все выйдут из комнаты, и повернулся ко мне. – Ты же понимаешь, что это не выход. Император в любом случае настоит на своем. Тебе нужно ехать ко двору, Селенира.

Я молчала. Не зная, что ответить, я просто внимательно рассматривала говорившего. Высокий, плечистый, статный. Сразу видно по выправке – военный. В летах. Сероглазый брюнет. Как там писали в многочисленных фэнтезийных романах? С аристократическими чертами лица? В общем, похож на потомственного аристократа. И держится уверенно. Я могла поспорить, что он если не полный хозяин здесь, то, по крайней мере, не последний человек.

– Что ты молчишь? Селенира?

– Я хочу, – слова давались с трудом, гортань, как и все тело, только начала «оттаивать» от непонятого «наркоза», я почти не чувствовала ни языка, ни губ, – побыть... одна...

Незнакомец некоторое время сверлил меня подозрительным взглядом, затем кивнул и вышел. Массивная деревянная дверь тихо затворилась. Я облегченно выдохнула. Теперь можно и поразмышлять в спокойной обстановке. Итак, первый вопрос: я сплю? Неприятные ощущения по всему телу уверяли, что все вокруг – реальность. Хотя... Бывают же такие сновидения, в которых сохраняется чувствительность... Вроде бы... Но если это реальность, то где я? И что произошло? Ответ напрашивался неутешительный: перечитав в свое время любовных романов, в том числе и фэнтезийных, я сама внезапно попала в другой мир. Этакая попаданка поневоле.

Если бы могла, я расхохоталась бы в голос, а потом, наверное, разрыдалась бы, напугав такой нестандартной реакцией местных жителей. Я – попаданка. В другой мир. Звучало абсурдно. И все же при мысли о «попаданстве» по телу пробежали мурашки. Не сказать, чтобы я так уж сильно дорожила жизнью на Земле, но там я хотя бы понимала, что к чему. Здесь же, похоже, первое время придется жить, как на минном поле.

Между тем к телу возвращалась чувствительность. Я уже могла двигать руками и ногами. Правда, встать еще не пыталась – туловище не желало повиноваться своей новой хозяйке. «А вот интересно, – появилась в голове мысль, – где старая хозяйка? Куда ее закинуло? Не на Землю ли?» Я представила мысленно аристократку, вынужденную жить в моем не особо приглядном теле и подавила злорадный смешок. Ну, в самом деле, не одной же мне страдать!

Через несколько минут я, наконец, смогла сесть и оглядеться. Первое впечатление – кладовка, заполненная ненужной мебелью. Не хламом, нет, вещи на хлам не походили, слишком новыми и дорогими они выглядели. Но создавалось впечатление, будто хозяйка внезапно решила поменять интерьер, и слуги сгрудили все, что было приказано, в одном месте. Многочисленные стулья, кресла, пуфик, три стола, уйма картин на окнах и полочек – на стенах, разнообразные фигурки и статуэтки на всевозможных поверхностях. И кровать – та самая, на которой я лежала. Большая, широкая, со столбиками по краям и мягким матрасом, она занимала чуть ли не треть комнаты. Вся эта красота резала глаз обилием цветов и оттенков. Какой сумасшедший художник поработал здесь со своими красками, я не знала. Оранжевые стулья соседствовали с ядовито-зелеными столами, светло-розовые пуфики – с красными, голубыми, нежно-салатовыми полочками. Столбики у кровати тоже были выкрашены в разные, очень яркие цвета. Устав рассматривать мебель, я зажмурилась.

Надо было попытаться встать и хотя бы несколько шагов сделать по комнате. А еще – узнать, из-за чего у меня такое странное состояние. О дальнейшем я старалась не думать, по крайней мере, не обо всем сразу. Иначе мозг мог отказаться работать. Другой мир, другие люди, я, одетая в нечто среднее между платьем и ночнушкой...

В дверь постучали, затем в коридоре раздались шаги, мужские голоса о чем-то спорили на повышенных тонах, после этого на несколько секунд все стихло, и в дверь снова постучали. – Войдите, – нехотя откликнулась я.

В комнате появились двое. Один – уже знакомый мне военный, обращавшийся ко мне по имени. Другой – довольно симпатичный мужчина средних лет, на первый взгляд – лет тридцати-тридцати пяти, одетый в хлопковые штаны и рубаху серого цвета. Чуть продолговатое лицо, не такое «породистое», как у первого, но тоже подчеркивавшее длинную вереницу предков, каштановые волосы, высокий лоб, ярко-синие большие глаза, густые ресницы, прямой нос, узкие, поджатые губы. Незнакомца, наверное, можно было бы назвать красавцем, если бы не жесткое выражение, портившее лицо.

– Я – замковый врач, – категорично заявил он приятным баритоном вместо приветствия, – и я обязан осмотреть вас, ронара.

– Селенира! – то ли предупреждающе, то ли умоляюще произнес первый мужчина.

Я почувствовала себя участницей дешевого фарса или спектакля, в котором может принять участие любой зритель. Вроде и роли распределены, и актеры точно знают, кого играют, а вот слова не всем участникам раздали.

– Осматривайте, – устав от неопределенности, предложила я врачу, не пытаясь сделать ни малейшего движения, – мое тело все еще плохо слушается меня, поэтому предлагаю вам самому снять с меня одежду.

У врача заалели щеки и шея, его спутник зашелся в странном кашле, больше похожем на хохот. Я непонимающе посмотрела на обоих и только потом догадалась, какой подтекст они услышали в моих словах.

Долго страдая излишним весом на Земле, я привыкла смотреть на докторов, как на беспольных существ, давно внушила себе, что практикующий врач вряд ли увидит что-то новое на моем теле. Наверное, из-за этой установки я и наблюдала равнодушно, как неловко стягивает с меня одежду замковый врач, тогда как второй мужчина, резко побагровев от стыда, отворачивается к двери.

– Ни единого пореза или шрама, все затянулось. Вы сможете предстать перед новым мужем здоровой и душой, и телом, – вынес вердикт осматривавший, так же неловко, неумело, стараясь не коснуться меня, надев наряд на тело.

Щеки врача алели, губы были сжаты еще больше, а в глазах, как мне показалось, то и дело вспыхивали огоньки. Словно он злился на меня за вынужденный осмотр, но не мог ни высказать, ни особо проявить свои чувства.

– Селенира, служанка придет с едой, не запирайся, – «воин», схватив врача за руку, буквально выволок его из комнаты и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Я недоуменно посмотрела вслед обоим мужчинам. Запираться? Мое тело не до конца обрело чувствительность, я при всем желании не смогла бы преодолеть расстояние от кровати до двери и обратно.

«Вы сможете предстать перед новым мужем здоровой и душой, и телом», – вспомнила я и нахмурилась. Новый муж? У меня, то есть этой Селениры? Где прежний? Зачем нужен этот новый муж? И почему мне так важно снова выйти замуж?

На последней фразе я споткнулась, нервно хмыкнула. Если все же допустить, что я попала в другой мир... Да уж, действительно, смешно... Давно поставив крест на своей личной жизни, теперь я плохо себе представляла, каково это – строить семью с другим, по сути, чужим, мужчиной.

«Не то, все не то, – в глазах зашипало, – не о муже надо думать... Я попала... В другой мир... Боже, как это все...»

Мысли исчезли, остались лишь эмоции. Я плакала тихо, без истерик. Слезы ручьем лились из глаз. Другой мир, другие мужчины, непонятные мужья – все ушло на другой план. Главным стало мое исчезновение из родного города. Вся моя размеренная, привычная жизнь исчезла непонятно куда. Да, она частенько напоминала мне стоячее болото. Но это болото было привычным. Я знала в нем всех обитателей и умела приспосабливаться к возникавшим ситуациям. Там. Не здесь.

Здесь же... Я понятия не имела, что меня ожидало в диком для меня мире.

Слезы высохли сами собой. Дрожавшей рукой я вытерла последние дорожки. Служанка с едой, замковый врач, необычный военный. Что ж, надо попытаться приспособиться к жизни здесь.

Глава 3

Коли милым назову – не соскучишься.

Превеликою сльву – поцелуйщицей.

Коль по улице плыву – бабы морщатся:

Плясовницею сльву, да притворщицей.
А немилый кто взойдет, да придвинется —

Подивится весь народ – что за схимница.

Филин ухнет – черный кот ощетинится,

Будешь помнить целый год – чернокнижницу.

Марина Цветаева. «Коли милым назову, не соскучишься»

Принесшая поднос с едой служанка, девчонка лет четырнадцати-пятнадцати, постоянно косилась в мою сторону, пока умело расставляла на прикроватной тумбочке посуду. Дождавшись, пока она уйдет, я задумчиво оглядела то, что мне предлагали. На тарелках лежали вязкая каша серого цвета, несколько толстых ломтей ржаного хлеба, нарезанные тонкими ломтями сыр и вареное мясо, жидкость розоватого цвета плескалась в стакане. Довольно плотный обед, дома я себе такое разнообразие позволить не могла.

Каша оказалась чуть солоноватой на вкус, жидкость – сладкой. Я ела, стараясь продумать свои следующие шаги, но в голову упорно ничего не лезло. Я не знала ничего об этом мире, о повадках той, в чьем теле оказалась. Я понятия не имела, как относятся здесь к таким как я, – попаданцам поневоле. Да мало ли подводных камней, даже тех, о которых я не догадывалась.

Доев, я поднялась. Тело еще не обрело нужной подвижности, но дойти до окна я смогла, правда, держась за мебель.

Разбитый под окном парк ярко освещался солнцем. Ровные дорожки, высокие пирамидальные деревья, цветущие клумбы, аккуратно постриженные кусты. Мечта любого садовода. Судя по расстоянию до земли, я находилась на втором этаже.

– Поздравляю, Света, – пробормотала я иронично себе под нос, – ты теперь владелица целого замка с парком в придачу. Интересно, крестьяне у меня есть? А деревеньки? Как там в истории было? Феодал? А женский род? Феодалица? Ты, Света, феодалица.

Хватаясь за мебель, я вернулась к кровати, задумчиво посмотрела на пустые тарелки, мягкую перину, окинула взглядом свое затрапезное одеяние, включая мягкие тапки на ногах, и направилась к двери. Надо было выходить в мир.

Замок встретил свою новую хозяйку тишиной и безмолвием. Складывалось ощущение, что я попала не в жилое помещение, а в самый настоящий склеп. Ни шума, ни звука, даже ветерка нет. Будто вымерли все в одночасье.

Каменный пол, каменные стены, узкие редкие окошки в коридоре и чадающие факелы на стенах. Здравствуй, Средневековье. Боже, за что? Почему именно сюда? Я – изнеженная городская жительница, я к удобствам привыкла!

Шла я, держась за холодную стену, сама не знаю, куда. Просто делала шаг за шагом, надеясь найти хоть кого-нибудь живого. Нашла. Правда, не совсем живого...

Когда из стены высунулась по локоть прозрачная рука, я вздрогнула.

«Привет галлюцинациям, – пронеслась в голове мысль, – Свет, а ты точно нормальную пищу ела? Может, подсыпали что?»

Следом за рукой появились голова и часть туловища, до пояса, тоже прозрачные. Затем – вторая рука. Я приготовилась наблюдать появление нижней части тела и ног, но привидение замедлило свое появление на свет божий и повернулось ко мне:

– Ты кто, девка? Где идиотка эта, внучка моя? – свистящим шепотом спросило оно.

– Понятия не имею, где она, – ответила я честно, проигнорировав первый вопрос.

– От дура-то, – выдохнуло привидение, – как мозгов с детства не было, так и до сих пор не прибавилось. – Стена передо мной внезапно раздвинулась, образовав подобие проема с видневшейся позади него жилой комнатой. – Ну, проходи, смертница, знакомиться будем. А то ты тут дел наворотишь.

Обращение «смертница» меня не порадовало. Умирать не хотелось ни в одном из миров. Поколебавшись пару секунд, я все же шагнула в не особо гостеприимный проем. Следом за мной втянулось в стену привидение, меняясь на глазах. Пара-тройка мгновений – и передо мной оказалась женщина из плоти из крови. Среднего роста, худощавая, одетая в закрытое черное платье, судя по многочисленным морщинам на лице, прожившая бурную жизнь, она цепким взглядом осмотрела меня с головы до ног и произнесла что-то на незнакомом языке. Вряд ли это была похвала: смотрела незнакомка недовольно.

– Простолюдинка в теле аристократки. Ты, девка, за столом-то вести себя умеешь, – небрежно бросила незнакомка.

Сил у меня осталось не так уж много, и чтобы не упасть, я уселась на стоявший неподалеку деревянный стул с высокой спинкой.

– Меня зовут Света, – сообщила я, не обращая внимания на раздражение на аристократичном лице незнакомки, – манерам обучена. Все претензии прошу высказывать вашей дражайшей родственнице. Я сюда не рвалась.

– Дерзкая, – фыркнула дама-призрак, – и не трусиха. Жаль, не моя внучка. – Она помолчала немного, потом спросила. – Когда появилась тут?

– Где-то час назад. И ничего не пойму, – как ни странно, я не чувствовала угрозы от моей новой знакомой. А может, просто верила, что со мной ничего дурного, как в сказке, случиться не может. – Кто мне расскажет, что к чему?

Незнакомка взмахнула рукой, и рядом с ней появился еще один стул.

– Прибить ее мало, дуру эту, – проворчала она, садясь. – Небось, мир поуютнее выбрала, а тебя, дурынду, давненько присмотрела... Ну, девка, не свезло тебе. Рассказать-то то я расскажу, но вряд ли ты всему этому обрадуешься.

Она помолчала немного, потом прикрыла глаза и начала говорить, спокойно, монотонно, будто наизусть рассказывала главу из книги:

– Род Ломарских проклят давно. Считается, что проклятие на него упало с самого его зарождения, во времена полубога Дортонна, прародителя. Он силой взял нимфу Цирею, влюбленную в его соседа, герцога Шорнарского, удерживал девять месяцев в своем имении, заставил ее родить ему дочерей. Но не забыла нимфа своего возлюбленного, наложила на насильника проклятие. Отныне все женщины в его роду становились вдовами. Ни одна не могла прожить с мужем больше трех лет. И прозвали герцогинь Ломарских черными вдовами. Не рождались у них сыновья, лишь дочери, которые наследовали проклятия. И длиться этому из рода в род.

Незнакомка замолчала, открыла глаза, насмешливо взглянула на меня:

– Ну что, дуреха, поняла теперь, куда влипла-то?

– Нет, – качнула я головой, – не поняла. Ваш род прокляли. А при чем тут я?

– При том – тебе надо будет замуж выходить. Снова. Три брака было, теперь четвертый на подходе. Хотела бы я посмотреть на того идиота, который на тебе жениться согласится, – ухмыльнулась моя собеседница.

– Зачем? Ведь муж все равно умрет.

– Такова воля императора, – явно передразнила кого-то она. – Каждая из нашего рода должна выходить замуж, пока не забеременеет и не родит наследниц, двух девочек. Одна из них, старшая, станет хозяйкой имения. Младшая вольна поступать со своей жизнью так, как считает нужным.

– Но замуж и ей нельзя? – уточнила я.

– Если только за кровного врага – он так быстрее окочурится.

Шикарная перспектива.

– А если будет больше дочерей? Или наоборот – одна?

– Не будет. Проклятие не позволит.

– У вашей внучки были проблемы со здоровьем, если она до сих пор не родила?

– Пра-пра-пра-правнучки. Не было. Эта дура намеренно пила настойки, чтобы не рожать.

Теперь пазл складывался. Селенира с трудом выдержала три навязанных брака, решила сбежать раньше, чем ее заставят связать свою судьбу с еще одним аристократом, и в качестве козла отпущения выбрала меня. Что ж, оставалось надеяться, что ей так же плохо в моем теле, как мне – в ее.

– Каковы мои следующие шаги? – мне нужно было выгадать время на обдумывание ситуации, а пока я делала вид, что согласна играть по местным правилам.

– Поедешь ко двору, потанцуешь на балах, выберешь паренька посимпатичней – и вперед, – фыркнула собеседница.

Я не стала уточнять, что будет, если «паренек» не согласится, спросила вместо этого:

– Меня искать не будут? Мы с вами тут уже давно...

– Это пространственно-временной карман, – перебила меня женщина-призрак. – Время здесь всегда одно и то же, там, в замке, не пройдет и секунды.

Удобно, что и говорить.

– На кого я могу рассчитывать?

– Ни на кого. Открыться кому-то ты можешь, только все бессмысленно: в этом теле ты – черная вдова, никто иначе тебя воспринимать не будет.

Прекрасно. Просто превосходно. И почему мне начало казаться, что прошлая моя жизнь была просто раем?

Видимо, посчитав аудиенцию оконченной, «бабушка» Селениры вновь заставила стену замка разъехаться.

– Удачи тебе, девка, – издевательски хмыкнула она, – постарайся до беременности мужа живым сохранить.

Я промолчала.

Снаружи, в коридоре замка, действительно стояла тишина. Постояв пару секунд возле стены, я неспешно двинулась вдоль нее, по коридору. Куда-нибудь, да выйду. Чем-нибудь, да займу мозги. Может, в библиотеку попаду. Она была бы кстати в данный момент. А нет – так со слугами пообщаюсь или того странного военного встречу. Все лучше, чем сидеть в четырех стенах.

Глава 4

И взглянул – как в первые раза

Не глядят.

Черные глаза глотнули взгляд.
Вскинула ресницы и стою

– Что, – светла? —

Не скажу, что выпита дотла.
Не скажу, что выпита до тла.
Всё до капли поглотил зрачок.
И стою.
И течет твоя душа в мою.

Марина Цветаева. «И взглянул, как в первые раза»

За очередным поворотом и правда оказалась дверь в библиотеку. Я с наслаждением опустилась на один из нескольких стоявших в комнате стульев, осмотрелась: просторная светлая комната с высоким потолком и широкими окнами. Шкафы с книгами, свитками, брошюрами занимали в ней практически все место. Только стол и пять-шесть стульев посередине комнаты оставались для удобства читателей. Присмотревшись, я заметила, что на шкафах везде прибиты таблички. В глазах расплывалось, но узнать хоть что-то об этом мире было необходимо. Если, конечно, я смогу понять местное письмо. Встав, я медленно подошла к первому шкафу, присмотрелась. Буквы на прибитых к полкам табличках нехотя начали складываться в слова: «Мировое описание», «материк Линия», «материк Дория», «материк Норог», «материк Ортон»... То есть, если перевести на привычный мне язык, это физическая география, общее описание и описание каждого континента. Достав толстый фолиант с кожаной обложкой и золотым тиснением, я села обратно, раскрыла книгу и погрузилась в нее.

Четыре материка омывались тремя морями. Несколько крупных островов и десятков мелких, два полюса. В общем, ничего странного. Информация, конечно, сразу в голове не уложилась, но общее представление я получила. Замок находился на материке Дория, крупном участке суши, омываемом сразу двумя морями. Мягкий климат, частые обильные осадки, четыре времени года, но граница между ними сильно. Одним словом, рай, а не жизнь.

«Еще бы проклятия не существовало», – подумала я грустно. В принципе, узнав легенду рода, я могла понять Селениру: кому ж понравится, что мужья мрут, как мухи. Тут даже если простая привязанность появится, уже шрам на сердце может остаться. А если легкая влюбленность или сильная любовь? Как ни укрывайся от чувств, они все равно могут нагрять в любой момент...

Поставив назад книгу, я достала другую, с историей мира.

«Гория зародилась из сна бога всего сущего Карица, – утверждал неизвестный автор, – она выплыла из его сновидения и стала самостоятельным миром в цепочке других миров».

Я удивленно вздернула брови: необычная интерпретация возникновения целой планеты. Выплыла из сновидения? Я честно попыталась себе представить целый мир, спешно выкарабкивающийся из сна бога. Получалось плохо: моего воображения на такую картину явно не хватало. Скептически качнув головой, я вернулась к книге.

Нимфы, полубоги, эльфы, драконы, тролли, гномы... Я читала перечисление рас и вспоминала толстый мифологический словарь, стоявший на книжной полке дома. Складывалось

ощущение, что автор дневал и ночевал в том самом словаре, черпая из него вдохновение для описания рас и их образа жизни.

Низенькие кряжистые гномы с бородой до пола активно стучали тяжелыми молотами в кузне, высокие надменные красавцы эльфы в своих густых лесах воспевали природу и любовь, крупные воинственные тролли нападали на незащищенные поселения людей. Прямо эпическое фэнтези, а не книга по истории.

Я перелистнула очередную страницу, когда услышала голоса в коридоре.

Дверь распахнулась.

– Я утверждаю, что... – произнес знакомый голос осматривавшего меня лекаря. А дальше – тишина. Похоже, меня заметили.

– Ронара, – лекарь очутился передо мной с нахмуренными бровями, явно недовольный моим появлением в библиотеке, – вам следует лежать. В вашем состоянии...

– Не нужно раньше времени хоронить меня, – формы обращения к мужчине я не знала, а потому ограничилась безличным обращением, – как видите, я способна сама...

Видимо, мой организм решил показать хозяйке, что она переоценила свои силы, потому что при попытке подняться у меня закружилась голова. Чтобы не упасть, я оперлась о стол.

– Способны, – буквально прошипел чем-то недовольный лекарь и попытался поддержать меня.

Не привычная к мужским прикосновениям, я рефлекторно отстранилась. На лице стоявшего напротив лекаря отразилась злость вперемешку с раздражением.

– Сядьте, ронара, я пришлю служанку.

Дверь захлопнулась с другой стороны.

Я недоуменно приподняла брови. И что это было? Ох, чувствую я, у Селениры сложились непростые отношения с замковым лекарем, и аукаться они будут, конечно же, мне.

Служанка, высокая рыжая девушка с рябым лицом и плотной фигурой, зашла в библиотеку через пару минут и начала сюсюкать со мной, как с ребенком:

– Ну что же вы, ронара, нельзя же так, сразу, не сейчас же, когда вы без сил. Держитесь за мою руку, ронара, аккуратней, не спешите. Куда прикажете вас отвести?

«Домой, – мрачно подумала я, – в мою маленькую, но такую уютную квартирку на Земле».

– В мою комнату, – произнесла я вслух, искренне надеясь, что поведут меня не в то помещение, в котором я очнулась.

И правда, довольно скоро мы, пройдя по тому же полутемному коридору с чадившими факелами, очутились в просторной, хорошо освещенной комнате с высокими потолками и широким окном, и на этот раз с минимумом мебели.

Кровать, туалетный столик с зеркалом и пуфиком перед ним, ковры на полу и стенах, два кресла, цветастые прозрачные гардины на окне – вот и вся обстановка. Негусто. Но гораздо больше напоминает спальню, чем тот чулан, переполненный вещами.

– Прошу, ронара, если понадобится, позовете, – искренне улыбнулась служанка, усадила меня на кровать и ушла, аккуратно притворив дверь.

Я подавила вздох. Прекрасно. Просто превосходно. Вводных данных мало, сил – тоже. Информацией со мной никто не стремится делиться. Спасибо, Селенира, ты, конечно, «добрая» девушка.

Плюнув на бессилие, я кое-как добралась до пуфика перед туалетным столиком, села, устала в зеркало.

Челюсть с грохотом упала на пол: с той стороны на меня смотрела незнакомка из сна. Те же миндалевидные глаза зеленого цвета с длинными пушистыми ресницами, тот же прямой нос, высокий лоб, уже знакомые густые длинные волосы каштанового цвета, небольшой аккуратный подбородок с ямочкой. То есть, это был не сон? Или не совсем сон? Как там говорила

«бабушка» Селениры? «Небось, мир поуютнее выбрала, а тебя, дурынду, давненько присмотрела...» Да, похоже, меня и правда выбрали, как барашка, на убой.

Глава 5

Твой восторженный бред, светом розовых люстр золоченный,

Будет утром смешон. Пусть его не услышит рассвет!

Будет утром – мудрец. Будет утром – холодный ученый

Тот, кто ночью – поэт.

Как могла я, лишь ночью живя и дыша, как могла я

Лучший вечер отдать на терзание январскому дню?

Только утро виню я, прошедшему вздох посылая,

Только утро виню!

Марина Цветаева. «Плохое оправданье»

Только ближе к вечеру я ощутила, что тело полностью слушается свою новую хозяйку. До этого у меня была уйма времени, чтобы обдумать неприятную ситуацию и прийти к выводу, что в данный момент, без подробной информации, от меня ничего не зависит. Открыться кому-нибудь я, конечно, могла, вот только пока не видела, кому конкретно довериться. А информация нужна была, как воздух. Что именно делать у императора? По каким критериям выбирать мужа? Как поступить, если выбранный кандидат не пожелает связать себя со мной узами брака? Как, наконец, добраться до этого самого императора? А еще я прямо-таки горела желанием узнать точные слова проклятия. Дед, любитель загадок и шарад, учил меня в детстве, что разгадка всегда кроется в тексте загадки, а потому надо внимательно прочитать текст или разобраться, что именно нарисовано на картинке, прежде чем пытаться отгадывать.

Когда в коридоре раздались шаги, а затем и стук в дверь, я настолько устала от безделья, что была рада увидеть кого угодно, включая лекаря, невзирая на его странное поведение. Но нет, на этот раз меня почтил своим вниманием воин, звавший меня по имени.

– Селенира, – мужчина, облаченный в ту же одежду, что и утром, сел в кресло напротив меня, – гонец от императора прибудет завтра утром. Его задержала буря в Ритейских горах, и в данном случае нам это только на руку. Послезавтра мы должны будем тронуться в путь. Прошу тебя, не упрямясь. Не нужно выводить из себя его величество. Твоя сестра тоже будет в столице. Кладира надеется на встречу с тобой. Вы очень нехорошо расстались на твоей предыдущей свадьбе. Не нужно показывать гордость. Вы все же одной крови.

Мой собеседник говорил, я слушала, стараясь запомнить как можно больше информации, и тщетно пыталась понять, какие узы связывали его и Селениру. По своему поведению он больше походил на старшего брата или заботливого дядюшку. Вот только в этом роду мужчины надолго не задерживались. Значит, тут было что-то другое. Понять бы еще, что именно.

– Ты спустишься к ужину? – завершил речь мой собеседник.

Я посмотрела на чернильную черноту за окном, мысленно удивилась позднему ужину и отрицательно качнула головой:

– Я еще не до конца восстановилась.

Воин кивнул и поднялся с кресла.

– Я прикажу слугам доставить ужин тебе в спальню. Набирайся сил, Селинира. И мудрости.

С таким нехитрым «благословением» он покинул комнату. Я проводила его долгим взглядом и задумчиво закусил губу. Днем я просмотрела все возможные потайные места в комнате. Ничего. То ли Селенира не вела записей или дневников, то ли хранила все это «богатство» в другом месте. Завтра – встреча с гонцом. Послезавтра нужно будет ехать к импера-

тору. Следовательно, у меня осталось около суток, чтобы попробовать найти бумаги Селениры. Плохо. Очень плохо. Я наивно надеялась, что времени будет больше.

Пожинав пресными хлебцами с сыром и стаканом молока, я переделалась в длинную плотную ночную рубашку и улеглась спать: день выдался тяжелый, я была вымотана как физически, так и эмоционально, да и пытаться вести обыск в чужом доме ночью, на мой взгляд, было бы верхом глупости. Заснула я практически мгновенно.

Снилась мне всякая чушь: земная реальность смешалась с реальностью местной, и в итоге все получилось сумбурно и бессмысленно. Проснулась я, ничего не запомнив, какое-то время пыталась понять, где нахожусь. А затем воспоминания нахлынули на меня, словно цунами, безжалостно погребая под собой остатки здравого смысла. Другой мир. Магия. Перемещение душ. А еще сегодня появится гонец от императора.

За окном уже светило яркое солнце. Что ж, Света, доброе утро... Заставив себя подняться, я нажала на кнопку в стене, чтобы вызвать слуг. Нужно было вымыться и переодеться перед завтраком.

Ванная здесь представляла собой большую комнату, освещавшуюся крупными шарами под потолком, с чашеобразной конструкцией, напомнившей мне джакузи или мини-бассейн. Глубокая емкость при необходимости скрывала все тело, стоять в самой глубине можно было в полный рост, и при этом вода доходила до шеи. Чтобы вымыться полностью, приходилось подходить к краям «чаши».

Принимать помощь чужих людей я не привыкла, но страх раскрыть себя присутствовал, – я все еще не знала, как тут относятся к попаданкам, а полагаться только на слова призрака боялась – а потому пришлось покорно терпеть, когда чужие руки умело двигались по телу и волосам.

Служанки знали свое дело, и уже через полчаса я, облаченная в теплый цветастый халат длиной до пят, выходила из ванной.

Еще полчаса – и я одета и накрашена. Изумрудного цвета батистовое платье идеально шло к глазам. Длинное, до щиколотки, полностью закрытое, со стоячим воротником и рукавами до запястий, оно своим кроем напоминало мне мусульманские наряды и отличалось от них тем, что подчеркивало фигуру. С поясом на талии, оно делало меня еще стройней, чем я на самом деле была. «Меня, – с горечью отметила я про себя, – давно ли я в этом теле? И вот уже начинаю воспринимать его, как свое. Быстро привыкла, очень быстро».

– Ронара, – вывел меня из задумчивости почтительный голосок одной из служанок, – какие туфли изволите обуть? Молочного или серого цвета?

– Молочного, – ответила я, не особо задумываясь над вопросом.

Убранные под сетку волосы, золотые серьги с изумрудами, такое же кольцо на шею, искусно наложенный макияж – и вот уже в зеркале отображается надменная владелица чуть ли не миллионного состояния, этакая прожженная стерва из американских фильмов про тех богатых, что изредка плачут.

Спускалась на первый этаж я с помощью служанки. Она держала меня под локоть, и всеми вокруг эта помощь воспринималась, как нечто естественное. Вообще, отношение местных слуг к своей хозяйке меня удивляло. По идее, любить ее никто не должен был. Работать за плату, стараться угодить, чтобы получить больше выгоды и продвинуться по карьерной лестнице вверх – да. Но здесь... Слуги носились с Селенирой, как с малым, неразумным ребенком и, похоже, искренне стремились защитить ее от всевозможных жизненных невзгод.

– Селенира, – ворвался в мои мысли голос военного, – гонец уже подъезжает к воротам.

Я кивнула, разглядывая мужчину. Одетый, как и вчера, в армейскую форму цвета хаки, сегодня он выглядел более собранным и подтянутым, чем вчера. Что такого важного могло быть в появлении гонца от императора? Насколько я смогла понять, Селенира своей родо-

словной не уступала императорской семье, замужем она уже несколько раз побывала, значит, ничего нового ей сообщить не могли. И все же гонца встречали, как самого императора.

Несколько минут протекли в молчании, которым я и не думала тяготиться. В широкой прихожей мы с военным стояли вдвоем. Я уже хотела спросить, как долго продлится ожидание, когда сзади, на лестнице, раздались шаги. Мужские. Военный нахмурился.

– Успел, – насмешливо заметил врач, подходя со спины и становясь рядом. На этот раз он был одет совсем как аристократ: фрак, рубашка, брюки, туфли. И все – серого цвета. – Приветствую, ронара. Вы сегодня выглядите явно лучше.

«Чем вчера», – не прозвучало, но подразумевалось.

Ответить я, удивленная таким поведением, не успела: входная дверь распахнулась, и на пороге появилось еще одно действующее лицо.

Глава 6

Наконец-то встретила

Надобного – мне:

У кого-то смертная

Надоба – во мне.

Что для ока – радуга,

Злаку – чернозем -

Человеку – надоба

Человека – в нем.

Мне дождя, и радуги,

И руки – нужней

Человека надоба

Рук – в руке моей.

Марина Цветаева. «Наконец-то встретила»

Высокий, красивый, модно одетый мужчина как будто сошел с обложки журнала для английской аристократии, если подобный, конечно, кто-нибудь выпускал. Эдакий британский денди, одетый в черный костюм и белоснежную рубашку, выглядывавшую из-под фрака, плечистый, с гладко выбритым подбородком и небольшими усиками над верхней губой, шатен с темно-синими глазами, он совершенно не походил на тех гонцов, которых я себе представляла. Я буквально ощутила волну ненависти и злости, появившуюся со стороны врача и окатившую меня и гонца. Но опять же, времени, чтобы уточнить причину такого странного поведения, у меня не оставалось: гонец улыбнулся, показывая всему миру свои идеальные белоснежные зубы, достал из внутреннего кармана запечатанный пакет и с поклоном протянул его мне:

– Ронара, его величество будет рад видеть вас в своем дворце.

Пакет я взяла аккуратно, так, чтобы не соприкоснуться пальцами с рукой гонца. На какой-то миг мне показалось, что на его лице мелькнула тень то ли недовольства, то ли злобы, но я решила не придавать значения увиденному.

– Мы собираемся завтракать, надеюсь, вы окажете нам честь и присоединитесь к нам, – вежливо произнесла я и сразу же заработала недоуменные взгляды от гонца и врача и недовольный – от военного.

«Похоже, я сказала что-то не то», – мелькнула в голове мысль.

– Буду счастлив, ронара, – между тем довольно улыбнулся гонец, вновь демонстрируя зубы.

К обеденному залу, большой вытянутой комнате, освещенной многочисленными факелами на стенах, мы подошли все вместе. Военный несколько раз поглядывал на врача, явно с намеком, но тот предпочитал делать вид, что все идет по плану, и упорно шагал рядом со мной.

Расселись за накрытым белоснежной скатертью столом, опять же все вместе. Слуги начали наливать в тарелки горячий рыбный суп. Я следила за их выверенными движениями и ощущала себя мышью, польстившейся на сыр в мышеловке. Вот-вот должна была захлопнуться ловушка, и тогда бедный серенький зверек мог надеяться только на благосклонность судьбы. Что-то шло не так, неправильно, но что – я понять не могла. У меня никогда не было серьезных романов, и тем не менее мне казалось, что гонец и врач ведут себя, как соперники, а военному не нравится поведение ни одного, ни другого.

Ели молча. Пакет сиротливо лежал неподалеку от моей тарелки. Вскрыть его я решила после завтрака. Не стоило портить себе настроение и пищеварение ожидаемо плохими новостями.

После супа нам подали мясо с подливой и кашу, свежие овощи, жареную рыбу, сыр, копчености. Я смотрела на расставленные на столе блюда и плохо могла себе представить, как можно сохранить тонкую талию при подобной кормежке.

Наконец, отказавшись от пирожных и компота на десерт, я поднялась и вышла из зала, прихватив с собой пакет. Тянуть дальше смысла не было.

– Лучше в кабинете, – раздался за моей спиной голос военного, когда я шла по коридору, – из твоей спальни уже убрали все письменные принадлежности, а ответ писать необходимо.

Я кивнула и, следуя за своим спутником, зашла в небольшую, но довольно светлую комнату без окон. Сдержав порыв отыскать источник энергии (факелов на стенах не имелось), я села в глубокое удобное кресло за столом, положила на лакированную поверхность пакет, начала аккуратно развязывать узел под печатью.

– Селенира, – укоризненно покачал головой военный, – я понимаю, что ты намеренно тянешь время, но лучше воспользуйся ножом из ящичка и срежь печать.

Я покраснела. Кто б еще сказал мне, жительнице совершенно другого, технически продвинутого мира, что печати надо срезать.

В ящичке под столешницей и правда оказался миленький дамский ножичек с длинным лезвием и деревянной рукояткой, инкрустированной изумрудами.

Пара взмахов – и печать отделена от упаковки. Вытаскивала и раскрывала я письмо дрожащими руками.

«Нашей дражайшей кузине, герцогине Селенире Ломарской.

Нам стало известно, что вы недавно в очередной раз овдовели, но так и не смогли войти в интересное положение. Надеемся в ближайшее время увидеть вас в нашей столице, Артонии.

Император государства Горнар Иридий Третий,

Лето две тысячи двадцать шестое от Великого Переселения».

Дата. Подпись. Красивый почерк. Твердый. Сразу видно – тот, кто писал письмо, знает, чего хочет. И как красиво заменил слово «беременность». Не вошли в интересное положение. Интересно, он и в реальной жизни подобными оборотами...

– Селенира?

Я вздохнула, медленно подняла взгляд на военного.

– Я вижу, ты не в том настроении, – на удивление мягко проговорил он, – давай мне бумагу и перо. Я напишу, ты поставишь печать.

Благодарно кивнув, я наблюдала, как на письмо с твердым почерком пишется ответ с подобным же почерком.

Заполучив бумагу, я отодвинула тот же ящичек, в котором раньше видела золотое кольцо-печатку, и с размаху поставила «подпись».

– Селенира, – недовольно покачал головой военный, – ну что за детское поведение. Личным надо было, не родовым.

Личным. Знать бы еще, где его искать...

– И так сойдет, – небрежно дернула я плечом. – Что дальше?

– До конца дня у тебя свободное время. Надеюсь, больше мы за одним столом с артарями сидеть не станем.

С кем? Я с трудом удержалась, чтобы не спросить, кто такие артары. Нет, понятно, что так называли гонца и врача. Но что значит это слово?

Именно об этом я и размышляла, когда, поднявшись по лестнице, шла по коридору в свою комнату, снова со служанкой. Отпустив девушку на середине пути, я хотела было направиться в библиотеку, но у судьбы на меня оказались другие планы.

– Девка, – какое знакомое обращение. – Я с кем говорю?!

– Меня зовут Света, – вежливо сообщила я появившемуся из стены привидению. Оно скривилось:

– Наглая ты слишком. Света. Кровь простая, зато гонора... В кабинет сейчас вернись. В столе потайной ящик, в самом низу, под остальными. Приложи палец к выемке, достань все, что там есть. Без этого не справишься. Света.

Привидение исчезло. Что ж, хоть какая-то важная информация.

Ящик я нашла быстро. Так же быстро открыла и начала внимательно рассматривать содержимое: кольцо-печатка, видимо, именное, тоненькая тетрадка, заполненная текстом от руки, книжечка размером с мою ладонь, ключ.

Карманов в платье не было. Пришлось брать со стола какую-то тяжелую книгу в кожаном переплете и рассовывать между страниц свои находки. С книгой я и направилась в спальню, предварительно вернув ящичек на место.

Глава 7

Не возьмешь моего румянца,

Сильного, как разливы рек.

Ты охотник – но я не дамся,

Ты погоня – но я есмь бег.
Не возьмешь мою душу живу,

Так на полном скаку погонь

Пригибающийся, и жилу

Перекусывающий конь аравийский...

Марина Цветаева. «Не возьмешь моего румянца»

– Ронара, – ну как же без врача? Он, похоже, решил сопровождать меня повсюду и постоянно попадаться на глаза. Знать бы еще, для чего ему это нужно, – я, как ваш личный врач, собираюсь сопровождать вас к императорскому двору.

И смотрит прямо, вызывающе, чуть вздернув подбородок, мол, попробуй откажи. Я в своем праве.

– Насколько я помню, вы замковый врач, а значит, обязаны находиться...

– Пусть едет, Селенира.

И этот тут, появился, будто из-под земли вырос. Эти двое что, следят за каждым моим шагом?

– Как угодно, – раздраженно дернула я плечом, обошла мужчин по широкой дуге и начала подниматься по мраморным ступеням лестницы.

На этот раз до спальни я дошла успешно. Закрыв дверь на замок, я раскрыла книгу, достала тетрадку, села в кресло, открыла с первой страницы. Дневник. И причем, похоже, продолжение.

«5 апреля. Он снова ходит за мной, то и дело попадает на глаза, язвит по случаю и без, старается казаться грубым и бесится каждый раз, когда я улыбаюсь кому-то, кроме Шарона. Артар по рождению, он как будто назло мне заигрывает со служанками, пытается заставить меня ревновать. А я... Я должна снова ложиться в постель к нелюбимому мужу и притворяться любящей женой. Я не хочу ребенка. Не хочу, чтобы мои дочери росли в тех же условиях, что и мы с Кладирой. Муж скоро умрет, я чувствую это. Третий. Уже третий. И мне снова придется ехать к императору, чтобы сделать очередной выбор.

10 апреля. Он оказался рядом, когда я поранила руку при падении с лошади. Замковый врач? Нет, мое личное проклятие. Его прикосновение обожгло. Я упорно не смотрела в его глаза. А он... Он нес какую-то чушь о необходимости отдыхать, о чем-то еще, не особо существенном, и не хотел выпускать мою руку из своей. Да и я не особо настаивала. Дура. Он – артар. Да и проклятие... Мы не можем... Ох, сердце, что же ты делаешь...

17 апреля. Умер муж. Во сне остановилось сердце. Я ничего не почувствовала. Шарон настоял, чтобы я не ехала на обряд погребения, поехал сам. Я осталась в спальне, укутанная в траурный наряд. Он... Он пытался войти. Стучал. Звал по имени. Я заперлась и молчала, не отвечая на его просьбы. Завтра я снова займусь подготовкой к ритуалу. Мне нужно бежать

отсюда как можно скорей, бежать, пока я еще в своем уме. Бежать, пока я еще способна приказывать своему сердцу.

20 апреля. Сегодня – день поминок. Жена по традиции должна отдать часть себя, чтобы помочь мужу с переходом за Грань. Что ж, мне на руку все это. Я отдам. Не себя. Как же я устала. Надеюсь, там, куда я попаду, мне станет легче».

Записи обрывались. Я отложила дневник в сторону, закусила губу. Спасибо за малодушие, Селенира. Ты испугалась своего сердца, а я теперь должна расхлебывать заваренную не мной кашу.

Книжечка оказалась чем-то вроде сборника заклинаний. По крайней мере, я посчитала именно так: незнакомый язык, геометрические фигуры, рисунки жутких псов с тремя головами и пятью хвостами. Прямо мануал для начинающего чернокнижника. С опаской отложив вещьцу в сторону, я повертела в руках ключ, не нашла, куда его вставить, и решила забрать вместе с печаткой с собой. Может, при дворе или в пути получу нужную информацию.

Спрятав в комнате до отъезда свои находки, я направилась в библиотеку. Язвительное привидение было право: во мне текла простая кровь. Этикету меня не обучали, да и кто знает, как в этом мире положено приветствовать подобных себе? Заодно, может, узнаю, кто такие артары.

Библиотека встретила тишиной и покоем. Найдя на полке учебник по этикету, я погрузилась в мир танцев, поклонов и заученных движений. В принципе, запомнить правила поведения в высшем кругу труда не составило: и женщины, и мужчины при встрече должны были кланяться друг другу, скрестив руки на груди в знак мирных намерений. Танцы походили на наш вальс, с небольшими вариациями. За столом пользовались вилок, ложкой и ножом. Наносили друг другу визиты в каретах и колясках, мужчины часто ездили на животных, напоминавших внешним видом лошадей, женщин на спины этой живности не пускали. Во время прогулок вели себя степенно и чинно, не шумели. В общем, классическая аристократическая верхушка.

Вопреки моим страхам, общество в учебнике описывалось как довольно демократичное. Представители аристократии довольно активно связывали себя узами брака с крупными бизнесменами, здесь именовавшимися торговцами. В провинции даже разрешалось заключать брачные союзы с буржуазией и зажиточными крестьянами. И все же здесь, как в любом обществе, существовал отдельный класс тех, с кем связываться не то чтобы не рекомендовалось. Любые официальные или неофициальные отношения с такими людьми порицались всеми, как аристократами, так и торговцами. Артары. Незаконнорожденные отпрыски любого семейства. Неважно, от каких родителей они произошли. Артары герцога не имели прав так же, как и артары крестьянина или буржуа. Да, они могли получить образование, их брали на службу, у них даже имелась своя собственность. Но. Никто и никогда в «приличном обществе» не стал бы делить с ними пищу за одним столом, заводить любовные отношения или относиться серьезно к клятве, данной кому-то из них. Этакая каста «неприкасаемых». Они вроде жили бок о бок с остальными людьми, но при этом негласно были исключены из общества.

«Надеюсь, больше мы за одним столом с артарями сидеть не станем», – вспомнила я слова военного, которого, как стало ясно из дневника Селениры, звали Шарон. Получалось, что и врач, и гонец были незаконнорожденными. И Селенира, родившись и прожив часть жизни в этом мире, стыдилась своих чувств к артару. А он, похоже, готов был заполучить ее чуть ли не любой ценой.

– Превосходно, – пробормотала я, отложив книгу в сторону, – еще только безумно влюбленного бастарда мне не хватало для полного счастья. И как прикажете выбрать жениха в столице, когда этот врач собрался сопровождать меня туда?

Глава 8

Оставим это. Обещать одно

Мне должен ты. Коль в жизни доведется

Нам встретиться еще – не должен ты

Глазом моргнуть. Вот долг твой. Понял?
Еще одно: нигде и никогда

Не смей разузнавать под страхом смерти

Моей – кто я. Еще одно: люби

Другую, нет – других, нет всех. Безумства —

Три совершила я в свой краткий век.

Ты – третье и последнее. – Довольно.

Марина Цветаева. «Оставим это. Обещать одно»

Обедала я в одиночестве, в своей комнате, сославшись на слабость и плохое самочувствие. Овощное рагу, хорошо прожаренное мясо, сырная нарезка, морс. Я жевала поданные блюда и пыталась уложить в голове полученную в библиотеке информацию. Слишком мало мне было известно об этом мире. Я до сих пор не знала, могу ли связать свою жизнь с кем-либо из представителей других рас. Как следует вести себя с ними, в книге тоже ничего сказано не было. Сведений о людях я нашла предостаточно. А те же эльфы, гномы, тролли и, как ни странно, вампиры, остались в тени. Я вообще слабо представляла себе жизнь с заносчивым эльфом или кровососом вампиром. Но, может, на них проклятие не распространялось? Или здесь не приняты были смешивать кровь разных рас? В общем, сплошные вопросы, и ни одного ответа.

Сразу после обеда появился Шарон.

– Ты напрасно так строга к Лорану, – сообщил он, садясь в кресло. – В замке справится и Минир, у него достаточно опыта, хоть и нет образования. А ты не совсем окрепла. Да и в дороге может случиться что угодно.

Я, расслабленно лежа на кровати, удивленно вздернула брови:

– Ты действительно веришь в сказанное? Он не даст мне прохода в столице. О каком выборе женихов может вестись речь, если он будет преследовать меня? Да и не так уж и долго ехать...

– Пять дней – достаточный срок, – оборвал меня Шарон.

Армейская форма, идеально выглаженная, сидела на его фигуре великолепно. Даже сейчас, в годах, он оставался красавцем с правильными чертами лица, спортивной фигурой, четко знающий, что хочет. В молодости, наверное, у него не было отбоя от женщин. Что же он забыл здесь, в замке проклятого рода?

– И сколько мы пробудем в столице? – после прочитанного дневника я могла примерно представить, как повела бы себя в подобном случае Селенира. Она, похоже, была избалована мужским вниманием, а с Шароном вела себя, как с дядюшкой или опекуном. – Неделю? Две? Месяц? А он все время будет рядом. Зачем? К чему это?

– Мы обезопасим замок в наше отсутствие. Врага всегда надо держать при себе, Селенира. Ты забыла мои уроки.

Врага? Меньше всего этот настырный врач походил на врага. Я, конечно, не владела всей информацией, но не думала, что он стал бы заниматься партизанской деятельностью, дожидаясь моего возвращения.

– Выезжаем рано утром. Найди, чем занять себя в дороге. Мы не станем останавливаться так часто, как это было в прошлый раз.

Отдав приказ, как кому-то из своих солдат, Шарон поднялся с кресла и вышел, аккуратно закрыв дверь. Я откинулась на подушки. Прекрасно. Просто великолепно. Не успела освоиться в замке, как надо собираться в дорогу. «Найди, чем занять себя». Если бы я только знала, что нравилось Селенире... Если судить по находкам, она владела магией. В отличие от нее, я слабо себе представляла, что это и как с этим сосуществовать.

– Значит, возьму книги, – решила я, – Селениру, похоже, считают взбалмошной женщиной. Вот и буду оправдывать репутацию. Наберу талмудов, хоть смогу «занять себя» в дороге.

Пять дней. Жуть. Практически во всех романах фэнтези, которые я читала на Земле, у жителей других миров имелись порталы. В самом деле, удобно: шаг сделал – и на другой точке планеты. Здесь же... Трястись в карете пять дней...

– Чтоб ты машин боялась, Селенира, – от души пожелала я бывшей проклятой.

К ужину пришлось спускаться: Шарон успел заметить, что не так уж и плохо мое самочувствие, а значит, старая отговорка уже не подействовала бы.

Закрытое бархатное черное платье, как и положено вдове, украшенное черными же атласными лентами, с пышными рукавами и поясом того же цвета, я надела из вредности. Вдова? Отлично. Буду вдовой не только на словах.

– Селенира, – поморщился Шарон, увидев меня за столом, – прекрати. И не смей брать с собой подобные наряды.

– У меня недавно умер муж, – чопорно напомнила я ему, дожидаясь, пока служанка положит на мою тарелку овощной салат и филе местной рыбы.

– Совесть у тебя умерла, – сообщил Шарон, едва служанка отошла подальше, – могла бы давно забеременеть. Не пришлось бы постоянно у императора появляться. Что за детство, Селенира? Герцогству нужны наследницы. И ты прекрасно это знаешь.

«Ну да, – подумала я раздраженно, – это не ты хоронишь мужей, к которым вполне можешь привязаться».

– И тем не менее, – вспомнила я учебник по этикету, – я придерживаюсь траура. Сколько он там длится? От месяца вроде? А сколько прошло дней со смерти...

– Селенира!

Да что ж так кричать-то. Я аж вздрогнула.

– Прости, пожалуйста, – покаянно вздохнул Шарон. – Но эти твои отговорки... Хорошо, будет тебе месяц. Пять дней туда, пять – обратно. Останется две недели, чтобы выбрать жениха, пусть и в этих уродских платьях.

Насчет уродства одежды я могла бы поспорить: черный идеально шел этому телу. Настоящая черная вдова, этакая равнодушная паучиха, искусно оплетающая своей сетью всех одиноких мужчин.

Глава 9

Смеетесь! – В блаженной крылатке дорожной!

Луна высока.

Мой – так несомненно и так непреложно,

Как эта рука.

Марина Цветаева. «Осыпались листья»

Рано утром, когда еще и солнце не взошло, меня начала тормозить служанка:

– Ронара, ронара, проснитесь. Ехать пора. Ронара, ронар Шарон приказал...

– Чтоб его, этого Шарона, – я хотела было выразиться покрепче, но вовремя прикусила язык: не поймут. – Проснулась я. Не тряси.

Полчаса на водные процедуры, еще минут сорок на переодевание и легкий, по местным меркам, макияж, и вот уже я величаво спускаюсь по лестнице в холл, где меня ждут Шонар и Лоран.

Темно-коричневое, практически черное, длинное, полностью закрытое платье ясно давало понять каждому, что его владелица находится в глубоком трауре. Подведенные алой помадой губы, черные, как ночь, ресницы, немного румян на щеках, волосы, забранные под шляпку, черные перчатки на руках – в сочетании с бледной кожей походила я издали на хрупкую фарфоровую куклу и вполне могла понять яркий огонь безумного желания, мгновенно вспыхнувший в жадных глазах врача. Сам он был одет в дорожный костюм – рубашка, штаны, камзол – все серого цвета. Стоявший рядом с ним Шарон, обряженный, как обычно, в военную форму, неодобрительно покачал головой при виде меня, но замечания делать не стал, вместо этого сообщил:

– Твоя карета – первая.

Я удержала удивленное выражение, так и норовившее появиться на лице. Первая? Сколько же их?

Как оказалось, четыре: первая – та, в которой я должна буду ехать с личной служанкой, вторая – полностью отданная для моего багажа, третья – для служанок, четвертая – для Лорана и его вещей. Шарон и несколько солдат собирались ехать верхом все время. На мой взгляд, это пахло самоубийством, но спорить я не стала.

Коричневая карета оказалась чересчур громоздкой, больше напоминавшей мне гроб снаружи и довольно уютной внутри. Плотные темные шторы на окнах защищали от яркого солнца, мягкие удобные кресла, довольно широкие, позволяли спать во время поездки. Выдвижной столик мог послужить для принятия пищи в дороге. Я села рядом с окном и, отодвинув штору, стала наблюдать за мелькавшими пейзажами. Ехали мы неспешно. Животные, запряженные в карету и внешним видом отдаленно напоминавшие лошадей, упорно тащили и людей, и скарб по мощенной камнем дороге. Я смотрела, как за окном сменяют друг друга поля, сады, деревеньки, и думала, что за всю мою жизнь это первое путешествие. Домоседка, я никуда не ездила на Земле, хоть и выбиралась изредка на природу в далекой юности. И понадобилось переселиться в чужое тело, чтобы понять, что выезжать из дома не так уж и страшно. И все же... Пять дней в карете, пусть и удобной... Я покосилась на дремавшую на соседнем сидении служанку, миленькую пухлую блондиночку лет восемнадцати, подавила вздох и вернулась к окну. Сама я чувствовала себя чересчур взбудораженной, чтобы попытаться уснуть. Ехать ко двору императора желания не было, выбрать нового мужа-смертника – тем более. Я

не смогла найти в библиотеке текст проклятия, а без него попытаться обойти слова униженной нимфы было нельзя.

«Вот интересно, эти мужья, они составляют заранее завещание? Или их имущество по факту отходит роду Ломарских? Боже, о чем я думаю. Тут надо понять, как из ситуации выкручиваться, а я...» Мысли скакали в голове, словно резвые блохи. Нервозность начала проявляться и вовне: я барабанила пальцами по узкому подоконнику кареты, прикусывала губу. Были бы под рукой тарелки, чашки, вазоны, они давно научились бы летать. Я нервничала и уже не скрывала своего состояния.

Чтобы как-то отвлечься, я оторвалась от многочисленных полей и садов за окном, чуть подрагивавшими руками взяли сборник сказаний и легенд этого мира и заставила себя сосредоточиться на чтении.

Я надеялась найти в книге хоть слово о проклятии рода Ломарских. Но нет, здесь были истории о богах и героях, сказки различных рас, в общем, что угодно, кроме того, что я искала.

Зато я наткнулась на пару текстов, в которых рассказывалось о смешанных браках. Троль и вампирша, гном и гоблинша, эльф и человеческая девушка. Если подобные браки существовали в реальности, я хотела бы взглянуть на потомство этих пар. Должна была бы получиться необычная смесь.

От чтения меня отвлекло бурчание живота. Отложив книгу, я потянулась. Остановки вплоть до вечера не предполагалось, а значит, придется есть в дороге.

– Алика, – позвала я проснувшуюся служанку, – доставай корзинку.

Как оказалось, есть в дороге не очень удобно, особенно, когда едешь в часто трясущейся карете, но возможно. Бутерброды с сыром и мясом слегка утолили голод и, как ни странно, уменьшили панику.

Успокоившись, я все же смогла уснуть, привалившись спиной к одному из сидений.

Длинные стеклянные лабиринты, из которых нет выхода, знакомые и незнакомые лица снаружи, со злорадством наблюдавшие за тем, как я безрезультатно мечусь из коридора в коридор, постоянные тупики, чудовища, протягивавшие ко мне свои лапы... Я искала и не находила выхода, кричала, плакала...

– Селенира, – позвало вдруг одно из чудовищ, – Селенира, проснись!

Меня чуть встряхнули, и я открыла глаза.

– Приехали, – сообщил Шарон, пристально глядя мне в лицо, – вытирай слезы и выходи. Переночуем на постоялом дворе.

Глава 10

Ты проходишь своей дорожкой,

И руки твоей я не трогаю,

Но тоска во мне – слишком вечная,

Чтоб была ты мне – первой

встречною...

Вижу я по губам – извилиной,

По надменности их усиленной,

По тяжелым надбровным выступам:

Это сердце берется – приступом!

Марина Цветаева. «Ты проходишь своей дорожкой»

На улице смеркалось. Солнце уже ушло за далекий горизонт, тьма медленно опускалась на землю, нежно укутывая ее толстым темно-синим покрывалом. В окрестностях двора не было слышно ни звука. В остатках дневного света мы всей компанией зашли внутрь.

Постоялый двор выглядел так же скромно, как его изображали в любых исторических фильмах: грубо сколоченная деревянная мебель, деревянная же стойка с хозяином двора за ней, под потолком развешены разнообразные пучки трав для приправ и связки овощей, окна занавешены простенькими ситцевыми занавесками в цветочек. В общем, ничего примечательного. Единственное отличие – шары под потолком. Если замок в основном освещался скупо, свет давали только факелы на стенах, то здесь свет шел из круглых матовых шаров, висевших под потолком. Насколько я поняла, «работали» они на магии. Оставалось только догадываться, почему такое же освещение не использовалось повсеместно в замке.

Я не особо следила за тем, что заказывал Шарон подбежавшему к нам и угодливо кланявшемуся трактирщику, невысокому мужчине средних лет, пузатому и лысому. Меня больше интересовала обстановка двора. Мы оказались единственными его посетителями, смогли выбрать столы для ужина и рассестся, как удобно. Не все, конечно. Лоран сидел со служанками. С излишне прямой спиной, застывшей на лице маской пренебрежения ко всем окружающим, он напоминал живую статую. Я как будто слышала скрип его зубов, хотя челюсти и не были сжаты. Его самолюбие страдало от того, что ни аристократы в лице Шарона и меня, ни солдаты не пожелали делить с ним пищу. Артар – позорное клеймо на всю жизнь. Тот, кого постоянно сторонятся люди любого класса. Думаю, и служанки отказались бы есть за одним с ним столом, если бы рядом не сидели мы с Шароном. Вряд ли для обитателей замка были секретом не до конца сложившиеся отношения между врачом и их госпожой.

– Селенира, – отвлек меня от размышлений Шарон, – поешь, тебе надо подкрепиться.

Я автоматически кивнула, все еще занятая своими мыслями.

– Селенира.

Я недовольно поморщилась.

– Мы с Аликой ели в карете. Я не голодна, Шарон.

– Да неужели? – насмешливо поинтересовался он. – И поэтому у тебя сейчас бурчит в животе?

Я покраснела. Мой желудок очень не вовремя решил опровергнуть мои слова.

Мясное рагу, густая вязкая каша, похожая по вкусу на тыквенную, сдобные булочки, стакан морса. Я ела, не ощущая вкуса. Усталость, страх перед будущим, недовольство сложившейся ситуацией и моей незавидной ролью в ней мешали наслаждаться ужином.

Все в таком же задумчивом настроении я поднялась в свою комнату, вымылась с помощью служанок в невысоком жестяном тазу, любезно предоставленном трактирщиком, переоделась в плотную длинную ночную рубашку и легла спать. Впрочем, уснуть мне не удалось: не успела я расслабиться и выбросить из головы мешавшие отдыхать проблемы, как по всему постоялому двору вдруг разнесся жуткий вой.

Подскочила я высоко, спасибо натренированному телу. Резко опустившись на кровать, ударилась всем, чем было можно, о жесткий каркас и, не сдержавшись, грязно выругалась. Вой повторился. По телу пробежал табун мурашек.

– Убью, – мрачно пообещала я сама себе, вставая с кровати и растирая руки, ноги и спину. В душе бушевал ураган эмоций: страх смешал с недовольством, раздражение – с любопытством. А еще хотелось собственными холеными руками попробовать придушить того, кто посмел нарушить сон моего сиятельства. В общем, в коридоре я оказалась, пылая жаждой мщения.

– Ронара, идите к себе, – Лоран, как будто дежурил у моей двери, появился мгновенно, перегородил дорогу: губы сжаты, глаза недовольно сверкают, одет по-дорожному. Он что, не раздевался еще? – Солдаты сами со всем разберутся.

Я хотела было ответить, но внизу раздались крики и шум.

– Ронара!

Я прищурилась:

– Вы же врач, нет? Так почему вы...

Вой повторился. Да что там вообще происходит?!

Оттолкнув в сторону явно не ожидавшего от меня такой прыти Лорана, я метнулась к ограждению: спускаться не стану, но надо же понять...

Наверху шары горели слабо, коридор был практически полностью погружен в полумрак. А вот внизу, в общем зале, все освещалось намного лучше. Пятеро стражников и Шарон окружили метавшееся в их кольце непонятное существо: высокое, спорбленное, покрытое густой шерстью, оно тщетно пыталось вырваться, угрожающе шипело и изредка бросалось на мою охрану.

– Нестабильный оборотень опасен, ронара. Идите в свою комнату.

Лоран стоял за спиной, буквально дышал в затылок, четко проговаривая каждое слово, и от звука его голоса, немного хриловатого, будто сильно натруженного, у меня бегали по телу мурашки не хуже, чем от воя оборотня. Да что там мурашки. Казалось, что каждый волосок на теле вставал дыбом, едва я слышала этот голос, причем так близко ко мне.

– Отойдите, – я заставила себя говорить спокойно, с безразличием. – Вы нарушаете мое личное пространство. Лоран!

Только после оклика он неохотно повиновался. Послышались шаги. Я считала. Один, два, три. Встал. Что ж, хоть так. Я повернулась и, стараясь держать дистанцию между мной и Лораном, направилась в свою комнату. Нестабильный оборотень. Боже, куда я попала...

В комнате я, закрыв дверь на защелку, обессиленно привалилась к стене. Вот и пойми, кто опасней: непонятный оборотень, воющий внизу, или сторающий от страсти артар наверху. Селенира, ты трусливо сбежала, а я теперь понятия не имею, как выпутаться из этой ситуации!

Глава 11

Как правая и левая рука —

Твоя душа моей душе близка.
Мы смежны, блаженно и тепло,

Как правое и левое крыло.
Но вихрь встаёт – и бездна пролегла

От правого – до левого крыла!
Марина Цветаева. «Как правая и левая рука»

Остаток ночи прошел на удивление спокойно. Вой скоро затих, спать ничего не мешало. Я тщательно гнала от себя мысли о дальнейшей судьбе оборотня. Утром выяснилось, что солдаты связали его и уложили спать в кладовке.

– Пить меньше надо, особенно в полнолуние, – ворчал Шарон, спускаясь вместе со мной в общий зал.

Там нас уже ждал сюрприз, по мне, не особо приятный: за завтраком к нам присоединились новые клиенты хозяина двора. Высокий, красивый, можно сказать, смазливый, сероглазый блондин и холеная, явно посвящавшая все свободное время уходу за собой любимой голубоглазая брюнетка как будто сошли с земных глянцевого журналов, если, конечно, делать скидку на их наряды. Длинному закрытому ярко-голубому платью и кокетливо выглядывавшим из-под него кожаными туфлям в тон явно не хватало для завершения образа боа на плечи, а молочного цвета рубашке под зеленым камзолом – золотых или платиновых запонок. Одинаковые приторные улыбки и фамильное сходство между вновь прибывшими давали понять, что перед нами брат и сестра.

– Ронар, ронара, – мужчина целенаправленно подошел к нашему столику, ведя за собой за руку, будто на поводу, сестру. Они оба поздоровались, сложив руки на груди, – позвольте присоединиться к вам. Всегда рад в поездке встретить приятных собеседников.

«И как ему плохо не стало от такой приторности в улыбке», – думала я, краем глаза наблюдая за Лораном. Ему новенькие пришлись не по душе. В блондине он сразу почувствовал соперника и заиграл желваками. Из глаз разве что молнии не сыпались.

Шарон между тем успел завязать светскую беседу с вновь прибывшими и даже выяснил, что блондина зовут Нарон, а его сестру – Карина. Они оба явно что-то скрывали и попали сюда далеко не случайно, решила я про себя, слишком искусственно вели себя, будто играли навязанные им и плохо выученные роли.

Поддерживать ни к чему не обязывающую беседу я не умела – на Земле считала себя глубоким интровертом и общалась по своей воле только с матерью, а вынужденно – с коллегами и учениками. Поэтому Шарон отдувался за нас двоих, демонстрируя навыки светского общения. Я же ела молча. Хлеб, мясо, сыр, колбаски, мед, морс – еда была незамысловатой, но сытной. Вряд ли ее хватило бы до ужина, но полдня точно можно было не заботиться о пропитании.

Уйдя глубоко в свои мысли, я пропустила, каким образом Нарон и Карина навязались к нам в спутники, а потому была просто поставлена перед неприятным фактом: дальше в «моей» карете мы едем уже втроем – я, служанка и Карина.

Новая попутчица оказалась не в меру болтливой. Она пыталась меня расшевелить многочисленными пространными разговорами об изменчивой погоде, градом вопросов о столице, в которой собиралась побывать, по ее словам, впервые, об императорском дворе и современной моде. Я отвечала односложно или кивала. Девушка мне не нравилась. Чувствовалась в ней

фальшь. Карина лебезила и заискивала передо мной, но при этом один или два раза я ловила с ее стороны взгляды, полные отчаянной злобы. Привычка отсеивать лишнее, выработанная во время работы в школе, помогала не заострять внимание на болтовне спутницы. Ехала бы я одна, уже давно открыла бы книгу. А тут и невежливо, и вопросы возникнут: с чего это образованной, грамотной герцогине по очередному кругу изучать мифы и легенды своего мира?

К обеду от постоянной, не замолкавшей трескотни Карины у меня разболелась голова. Вслед за ней начал возмущаться желудок, напоминая, что времени прошло немало, и пора бы его накормить. Потом к горлу подкатила тошнота. Через несколько минут меня рвало у обочины дороги всем съеденным завтраком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.